

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

И. Я. КОЗАЧЕНКО,* С. В. РОЗЕНКО**

Статья посвящена проблеме совершенствования правовой регламентации преступлений экстремистской направленности в Уголовном кодексе РФ. Обосновывается вывод о том, что криминальный экстремизм в России как негативное социально-правовое явление настоящего времени, несомненно, входит в объект исследования уголовного права. Выделяются особенности данных преступлений. Рассматриваются: актуальность темы исследования; исторические аспекты формирования указанного вида общественно опасных посягательств; текущее состояние правовой регламентации, основанное на системообразующем значении мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Выделяются несколько значений указанного мотива в отечественном уголовном законодательстве. Анализируется определение экстремизма в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Обосновываются предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства. Модернизация уголовного закона должна происходить с учетом развития уголовных кодексов стран СНГ (в целях сохранения и развития сходной системности уголовного законодательства указанных государств), поскольку данные государства сталкиваются с «тождественными» криминальными угрозами. Предлагается новое уголовно-правовое толкование термина «экстремизм» в форме закрепления новой структуры Общей части УК РФ: «преступления экстремистского характера», которыми признаются преступления, связанные с экстремизмом, и преступления экстремистской направленности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преступления экстремистской направленности, мотив политической ненависти или вражды, мотив идеологической ненависти или вражды, мотив расовой ненависти или вражды, мотив национальной ненависти или вражды, мотив религиозной ненависти или вражды, мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, правовая регламентация.

* Козаченко Иван Яковлевич — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права Уральской государственной юридической академии.

Kozachenko Ivan Yakovlevich — Doctor of legal sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal law of the Urals State Law Academy.
E-mail: uglaw@yandex.ru

** Розенко Станислав Васильевич — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Югорского государственного университета.
Rozenko Stanislav Vasilievich — Candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Yugra State University.
E-mail: rozenko_sv@mail.ru

© И. Я. Козаченко, С. В. Розенко, 2013

KOZACHENKO I. YA., ROZENKO S. V. ON IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF EXTREMIST CRIMES

The article is devoted to improvement of the legal regulation of extremist crimes in the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusion is that the criminal extremism as a negative social and legal phenomenon of the present day in Russia, undoubtedly, is a research object of the criminal law. The features of these crimes are distinguished. The following aspects are considered: urgency of the research topic; historical aspects of the formation of this type of socially dangerous encroachments; current state of the legal regulation based on the core meaning of the motive of political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity, or the motive of hatred or enmity towards any social group. The authors point out several meanings of this motive in the Russian criminal legislation. The authors analyze the notion of «extremism» in The Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism. The article justifies the proposals to improve the Russian criminal law. The modernization of the criminal law should take into account the development of the Criminal Codes of CIS countries (for conservation and development of the similar system of criminal legislation in the mentioned states), because these states face identical criminal threats. The authors propose a new criminal and legal interpretation of the term «extremism» by means of establishing a new structure of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation: «Extremist Crimes» which include crimes connected with extremism and crimes of extremist orientation.

KEYWORDS: extremist crimes, motive of political hatred or enmity, motive of ideological hatred or enmity, motive of racial hatred or enmity, motive of national hatred or enmity, motive of religious hatred or enmity, motive of hatred or enmity in relation to a certain social group, legal regulation.

Проблема правовой регламентации преступлений экстремистской направленности обусловлена текущей государственной и социальной необходимостью эффективного пресечения и предупреждения преступных посягательств, направленных на личность, российское общество и Российскую Федерацию, базирующихся на сложносоставном мотиве политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Данные преступления отличаются рядом особенностей: незначительным количеством по сравнению с другими видами преступлений; особой общественной значимостью, актуальностью для средств массовой информации; демонстративностью совершения; организованностью; созданием в обществе атмосферы и идеологии страха, неверия в способность государства обеспечить общественное спокойствие; подрывом общественной безопасности, а также открытым провоцированием совершения иных «ответных» преступлений со стороны лиц иной национальности, расы, религии и т. д.

Актуальность данной проблемы состоит также в том, что она является одной из угроз национальной безопасности. В частности, в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537,¹ экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности РФ, дестабилизацию

¹ СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

внутриполитической и социальной ситуации в стране, определена как один из основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности (ст. 37).

К сожалению, расцвет экстремистских преступлений обусловлен многофакторностью текущей сложной социально-политической и экономической ситуации в Российской Федерации. Рост противоправных экстремистских действий непосредственно способствует развитию экстремизма криминального, причиной чего является в том числе политическая нестабильность. К сожалению, следует согласиться с мнением, что экстремизм обусловлен множеством факторов: а) социально-психологическими и нравственными; б) социально-экономическими; в) идеологическими; г) информационными; д) факторами жизнеустройства; е) социально-историческими; ж) психозидемическими.²

По нашему мнению, единственным эффективным средством противодействия преступному экстремизму (преступлениям экстремистской направленности) как основной составляющей сложносоставного феномена «экстремизм» выступает уголовно-правовое реагирование, так как идеи национализма, расизма, нацизма и др. получают в современном обществе значительное распространение, особенно среди молодежи и несовершеннолетних.

Понятие «преступления экстремистской направленности» является относительно новым для российского уголовного права — в настоящее время его история уже насчитывает десятилетие, а определение данного термина уже совершенствовалось законодателем.

Первоосновой для возникновения указанного термина, думается, послужили положения Конституции РФ и Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.³

В ч. 5 ст. 13 Конституции РФ установлен запрет на «создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Согласно ч. 2 ст. 19 Конституции РФ государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Каждому гарантируется свобода мысли и слова. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ч. 1–3 ст. 29 Конституции РФ).

Термины «экстремистские проявления» (наряду с националистическими и шовинистическими), «политический экстремизм» впервые

² Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; глав. ред. В. Н. Иванов. М., 2003. С. 799.

³ СЗ РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

упоминаются в Указе Президента РФ от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти по борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации».⁴ К сожалению, определение этим терминам дано не было, поскольку данный акт имел декларативный характер.

В рамках Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., которую подписали главы государств Российской Федерации, Республики Казахстан, Киргизской Республики, Китайской Народной Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан в г. Шанхае (Китай), был создан прецедент формулирования экстремизма как содержательного правового понятия, причем только уголовно-правового, посредством определения исчерпывающего перечня преступлений, его составляющих. Указанная Конвенция была ратифицирована Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом».⁵ Следует признать, что это исключительный случай для международного права, поскольку в зарубежном уголовном законодательстве ряда государств данное понятие отсутствует. В Конвенции определено, что экстремизм — это какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них. Данное определение является исчерпывающим: содержит в себе шесть составов преступлений и имеет международно-уголовный характер. Указанная Конвенция затрагивает проблему Уголовного кодекса РФ как единственного источника российского уголовного права.

Приведенный список посягательств имеет условный характер, поскольку определяется политическими критериями. В основном в нем закреплены насильственные преступления политической направленности, прежде всего антигосударственные. Причины создания этой формулировки объясняются политическими устремлениями государств, обеспокоенных развитием сепаратистских тенденций на их территории, совершением актов массовых беспорядков, посягательств на представителей государственной власти, актов вандализма и др. Условный характер критерия данного объединения состоит в том, что государственные преступления не исчерпывают содержание категории «экстремизм». Следует поддержать мнение С. М. Кочои, согласно которому такое понимание экстремизма не может быть признано соответствующим значению данного слова.⁶

В российском уголовном праве противодействие экстремизму (экстремистской деятельности) осуществляется на основе другого подхода: в форме преследования за совершение преступлений экстремистской направленности — общественно опасных деяний, которые находят квалификацию в статьях различных разделов Особенной части УК РФ, хотя по обстоятельствам совершения они порождают одну общую общественную опасность. Это весьма своеобразная юридическая конструкция, поскольку имеется в виду не уголовно-правовое понятие в обычном значении,

⁴ СЗ РФ. 1995. № 13. Ст. 1127.

⁵ СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 155.

⁶ Кочои С. М. Расизм: уголовно-правовое противодействие. М., 2007. С. 20.

а весьма обширная формула, охватывающая разнородные и сложные по структуре действия, объединяемые одним сложносоставным мотивом. Данная разнovidность преступной деятельности может иметь форму как единичных, так и групповых, а также массовых посягательств.

Причиной для выделения этого вида преступлений послужили проблемы в российской правоприменительной практике, которые предопределили стихийное и спонтанное развитие российского антиэкстремистского законодательства с 2002 г. В науке уголовного права были высказаны самые различные мнения по поводу указанных новаций. Большинство специалистов уголовного права восприняли эти составы положительно,⁷ и следует признать, что это предопределило широкий простор для различных дискуссий, предложений, мнений и последующего правоприменительного системного развития рассматриваемой проблемы.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты РФ связи с принятием Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”»⁸ впервые в отечественном уголовном праве закрепил исчерпывающий перечень преступлений экстремистской направленности без указания системообразующего критерия (ст. 148 «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий», ст. 149 «Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них», ч. 1–2 ст. 213 «Хулиганство», ст. 214 «Вандализм», ст. 243 «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры», ст. 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения», ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» УК РФ), вызвавший обоснованную научную критику.⁹

Н. Ф. Кузнецова негативно оценила выделение данного вида преступлений, характеризующего политизацию и идеологизацию отечественного уголовного закона, поскольку это вносит путаницу в разграничение составов преступлений и размежевание единого и совокупного преступлений, но не привносит ничего нового в квалификацию преступлений. Такие составы не согласуются с Конституцией РФ и противоречат положениям международного права по данной проблеме. «Все перечисленные в международной конвенции деяния признавались преступлениями против конституционного строя и общественной безопасности, предусматривались в УК 1996 г. И все они определяют экстремизм через насилие. Не было необходимости вводить новые нормы об экстремизме в уголовный кодекс, создавая концептуально необоснованные и коллизионные нормы».¹⁰

Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму»¹¹

⁷ Тамаев Р. С. Экстремизм и национальная безопасность: правовые проблемы. М., 2009. С. 85.

⁸ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3029.

⁹ См., напр.: Лунеев В. В. Зачем живу? (жизненные и криминологические тернии). М., 2006. С. 64–66.

¹⁰ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 327.

¹¹ СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4008.

в прим. 2 ст. 282¹ УК РФ определил новое содержание данного вида преступлений, закрепив основополагающее, системообразующее значение мотива, что, в свою очередь, создало новые проблемы для правоприменительной практики, поскольку мотивация трудно доказуема. В целом следует признать, что определение экстремизма (экстремистской деятельности) относится к понятийному аппарату уголовного права, несмотря на расплывчатое и объемное содержание.

Если первоначально преступления экстремистской направленности закреплялись в исчерпывающем перечне в ч. 1 ст. 282¹ УК РФ, то затем было дано определение данных общественно опасных посягательств путем закрепления их обязательного признака — мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы — в примечании к указанной статье. Это предопределило возникновение новых трудностей, которые не разрешили разъяснения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: ¹² к данному виду преступлений относятся не только те, где мотив предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но и иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание. Иными словами, данный перечень имеет неопределенный характер, так как этот мотив, исходя из правил квалификации, отсутствует в неосторожных преступлениях и в тех составах, где присутствует мотивация, противоположная по содержанию; определение политической ненависти или вражды и мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является спорным. Преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы отграничиваются от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений, но длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие иных конфликтов не позволяют это точно установить, так как сложный характер мотивации конкретного человека предопределяет сочетание и переплетение указанных мотивов, подкрепляющих и обуславливающих друг друга. По нашему мнению, мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы имеет ряд спорных моментов: социальная принадлежность может выражаться в различных взаимосвязях, зачастую односторонних (например, пользователь Интернета), но следует ли в таком случае неоправданно широко расширять рамки уголовной ответственности? Социальные связи имеют всеобщий характер, т. е. кружок филателистов — это тоже социальная группа, но он не тождествен радикальному общественному движению или политической партии. В некоторых случаях трудно установить формальный признак закрепления к определенной социальной группе; некоторые социальные группы имеют аморфную (расплывчатую) структуру и др.

Указанный мотив имеет сложносоставную структуру. Каждый из шести элементов рассматривается законодателем как равнозначный по степени общественной опасности. Как правило, в правоприменительной практике, в действиях виновных указанные элементы тесно переплетаются.

¹² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8. С. 3–8.

П. С. Дагель писал о том, что «при совершении преступления лицо может руководствоваться не одним каким-либо мотивом, а несколькими мотивами, которые в принципе не противоречат друг другу и допускают постановку единой цели».¹³

Мотив имеет не только побудительное, но и смыслообразующее значение, поскольку содержит в себе следующие признаки: 1) отрицание, достигшее качественного уровня ненависти (вражды), которая определена формальным и исчерпывающим образом; 2) именно данная ненависть (вражда) предопределяет цель совершения преступления; 3) мотив по своему содержанию является преступным.

Нравственно-этическая характеристика преступления экстремистской направленности состоит в том, что виновный выражает пренебрежительную реакцию к общественным благам, исходя из негативного отношения, основанного на открытом противопоставлении ненависти (вражды) определенного характера к наиболее важным компонентам общественного бытия, социуму.

Мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы как системообразующий (конститутивный) признак определен исчерпывающим образом и по своему содержанию противоположен мотиву хулиганства, как это указано и в п. 3 названного Постановления. Думается, что из ч. 1 ст. 213 «Хулиганство» УК РФ следует исключить п. «б» — совершение хулиганства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является сложным по структуре, он предопределяет выходящее за законные рамки поведение, и его составные части не противоречат друг другу и допускают создание единой цели. Указанный мотив имеет несколько значений в отечественном уголовном законодательстве:

1) он может быть обязательным (конститутивным) признаком состава преступления, поскольку закреплен в качестве необходимого условия в основном составе преступления (например, ст. 282¹ УК РФ);

2) влияет на квалификацию преступления, так как выступает в качестве квалифицирующего признака (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ);

3) может выступать в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, поскольку не меняет квалификацию, не являясь ни основным признаком, ни квалифицирующим признаком (п. «е» ч. 2 ст. 63 УК РФ);

4) выступает средством индивидуализации и дифференциации наказания, характеризующим личность виновного при совершении преступления;

5) способствовал появлению в уголовном законе двух новых самостоятельных форм группового совершения умышленных преступлений: экстремистское сообщество и экстремистская организация;

¹³ *Дагель П. С.* Классификация мотивов преступления и ее значение // Некоторые вопросы социологии и права. Мат-лы науч.-теор. конф. «Конкретно-социологические исследования правовых отношений» / редколл.: В. А. Немцев, В. А. Пертцки, Л. А. Петров (под общ. ред.), В. Н. Политов. Иркутск, 1967. С. 273.

б) является критерием выделения группы преступлений экстремистской направленности.

С. В. Борисов и А. В. Жеребченко высказали предложение о том, что в прим. 2 к ст. 282¹ УК РФ определяются не преступления экстремистской направленности, а преступления экстремистского характера, так как указанные посягательства никуда и ни на что не направлены, а отличаются от других уголовно наказуемых деяний в основном присущими им специфическими мотивами.¹⁴ Также они отмечают, что понятие «преступления экстремистского характера» более широкое и объемное. Это действительно так. Но, по нашему мнению, предлагаемое усложнение превратит конструкцию данных посягательств в более аморфную и рыхлую структуру, так как с учетом закрепления понятия «преступления экстремистской направленности» в прим. 2 ст. 282¹ УК РФ они, как минимум, направлены против основ конституционного строя и безопасности государства.

Также следует учитывать, что отличительное свойство, особенность, качество данного вида преступлений состоит не только в мотивах, но и в целях, возникающих на их основе, — в преступном неприятии иных политических, идеологических, расовых, национальных и религиозных воззрений и социальной принадлежности.

А. Г. Хлебушкин считает, что «признак противоправности преступного экстремизма носит двойственный характер — содержание преступной экстремистской деятельности предусмотрено нормами УК РФ и Закона № 114-ФЗ».¹⁵ По нашему мнению, признак противоправности не имеет двойственного характера, поскольку закрепляется только российским уголовным законом, и по содержанию перечень, установленный в указанном Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»,¹⁶ для УК РФ значения не имеет, тем более что по содержанию они совпадают лишь частично. Это взаимосвязано с требующей широкого обсуждения проблемой совершенствования правовой регламентации преступлений экстремистской направленности, в связи с чем возможно установление новых системообразующих признаков в УК РФ. В частности, имеется в виду совершение деяния в церкви или ином здании или помещении, предназначенном для исполнения религиозных обрядов (место преступления), либо в отношении специального субъекта (например, в отношении священнослужителя) и др.

По нашему мнению, одним из основных направлений совершенствования антиэкстремистского «элемента» российского уголовного законодательства выступает обновление и совершенствование норм УК РФ об ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности, что, несомненно, является актуальной необходимостью настоящего времени. Но модернизация уголовного закона должна происходить с учетом развития уголовных кодексов стран СНГ (в целях сохранения и развития сходной системности уголовного законодательства указанных государств), поскольку данные государства сталкиваются с «тождественными» криминальными угрозами, и одна из них — «экстремистские» преступления.

¹⁴ Борисов С. В., Жеребченко А. В. Квалификация преступлений экстремистской направленности. Учеб. пособие / отв. ред. и предисл. Н. И. Ветрова. М., 2011. С. 8.

¹⁵ Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: Монография / Отв. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2007. С. 30.

¹⁶ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

Думается, что следует предложить новое уголовно-правовое толкование термина «экстремизм» с учетом имеющихся двух взаимосвязанных подходов в данной области общественных отношений, которые, дополняя друг друга, объединяются понятием «преступления экстремистского характера». В первую очередь, это традиционно выделяемые в российском уголовном законодательстве преступления экстремистской направленности, где системообразующим критерием выступает мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, с учетом того, что некоторые его положения являются спорными и вызывают обоснованную научную критику. Во вторую очередь, это преступления, связанные с экстремизмом, где основообразующим критерием выступают положения Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. как международные обязательства Российской Федерации. Таким образом, формальное закрепление возможно путем создания самостоятельной ст. 15¹ в Общей части УК РФ или примечания к ст. 15 УК РФ «Категории преступлений», где нужно установить, что преступлениями экстремистского характера признаются преступления, связанные с экстремизмом, и преступления экстремистской направленности.

В первом случае необходимо закрепить определение понятия «преступления экстремистской направленности» в статье Общей части УК РФ или примечании к статье УК РФ «Категории преступлений», где мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы как системный признак закрепит структурное взаимодействие между отдельными, различными по характеру и степени общественной опасности деяниями.

Во втором случае следует определить исчерпывающий перечень преступлений, связанных с экстремизмом, исходя из положений указанной Шанхайской конвенции, что впрочем, не исключает возможности включения в данный список иных составов преступлений.

В итоге следует сделать вывод о том, что совершенствование категории преступлений экстремистской направленности в российском уголовном праве может быть осуществлено путем закрепления новой структуры Общей части УК РФ, обусловленной системным значением мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы и международным нормативным правовым актом — Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.